

5. Кавказ // БСЭ. 3 изд. Т. 11. М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1973. 608 с.
6. Ковешников В.Н. Очерки по топонимике Кубани. Краснодар, 2006. 252 с.
7. Колокольникова В. Кавказ. М.: Типография И. Я. Полякова, 1898. 80 с.
8. Красильников Ф. С. Кавказ и его обитатели. М.: Литературно-Издательский Отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1919. 128 с.
9. Нашхоев Р. Загадки Пхъармата. М.: «Евразия +», 2002. 192 с.
10. Отрицание // Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с.
11. Происхождение слова Кавказ [Электронный ресурс]. / Портал о Кавказе.ру. URL: [http:// www.okavkaze.ru/](http://www.okavkaze.ru/) (дата обращения 10. 07. 2011).
12. Шавлаева Т. М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 205 с.

УДК 94 (100) «1914/19»

Котов Б.С.

Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

**«ЧТО МОЖНО ГЕРМАНСКОМУ ЗЕВСУ...» ОБРАЗ ГЕРМАНИИ
В РУССКОЙ ПРЕССЕ В ПЕРИОД «ГАЗЕТНОЙ ВОЙНЫ»
ВЕСНЫ 1914 ГОДА**

B. Kotov

*The Institute of General History of the
Russian Academy of Sciences, Moscow*

**«WHAT IS PERMITTED TO GERMAN ZEUS...» THE IMAGE OF GERMANY IN THE
RUSSIAN PRESS DURING THE “NEWSPAPER WAR” IN THE SPRING OF 1914**

Аннотация. В данной статье анализируется образ Германии в русской прессе в период русско-германской «газетной войны» марта 1914 г. В качестве основного источника для статьи были использованы русские периодические издания разной политической ориентации – от черносотенных до либеральных. Автор делает вывод, что «газетная война» содействовала нарастанию в России антигерманских настроений. Весной 1914 г. русская пресса была достаточно едина в осуждении германской внешней политики, ее целей и методов. Накал антигерманской риторики в русской прессе свидетельствует, что «газетная война» стала важным этапом психологической подготовки русского общества к мировому вооруженному конфликту 1914-1918 гг. Она способствовала консолидации различных общественно-политических сил России перед лицом внешнего врага.

Ключевые слова: русско-германская «газетная война» марта 1914 г., русская пресса, образ Германии, «образ врага», канун Первой мировой войны.

Abstract. This article analyses the image of Germany on the pages of the Russian press during the Russian-German “newspaper war” in March 1914. The basic source for this article is the Russian periodical press of various political orientations - from the Black Hundreds to liberals. The author concludes that the “newspaper war” intensified the Anti-German moods in Russia. In the spring of 1914 the Russian press was unanimous in condemnation of the German foreign policy, its goals and its methods. The heat of the anti-German rhetoric in the Russian press testifies to the fact that the “newspaper war” became an important stage in the psychological preparation of Russian society to the world’s armed conflict of 1914-1918. It has contributed to the consolidation of various socio-political forces in Russia in the face of the external enemy.

Key words: Russian-German “newspaper war” in March 1914, Russian press, image of Germany, image of enemy, eve of the First World War.

Изучение европейской прессы начала XX в. важно для понимания механизмов психологической подготовки населения европейских стран к начавшемуся летом 1914 г. вооруженному столкновению за передел мира. В данной связи особый интерес представляет русско-германская «газетная война» – острая полемика между органами прессы обеих стран, развернувшаяся в марте 1914 г. Она способствовала утверждению «образа врага» по обе стороны русско-германской границы еще за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, став своего рода репетицией той яростной пропаганды, которая развернулась в прессе кайзеровской Германии и Российской империи после 1 августа 1914 г.

До сих пор самым подробным исследованием «газетной войны» и ее влияния на общую атмосферу международных отношений того времени остается опубликованная в конце 1920-х гг. книга А. Юкса «Военная тревога весны 1914 года в европейской прессе» [35]. Автором была тщательно проанализирована позиция многих немецких газет и журналов разных политических направлений – от пангерманцев до социал-демократов. Ссылки же на русскую прессу делаются им по цитатам и комментариям тех же немецких периодических изданий. Это не могло не отразиться на выводах и общей направленности исследования Юкса, который стремился возложить ответственность за начало «газетной войны» на русскую сторону.

Историки, которые в дальнейшем обращались к теме «газетной войны», как правило, интересовались вопросом о том, была ли атака на Россию в немецких газетах в марте 1914 г. срежиссирована германским правительством для решения как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических задач.

Известный немецкий историк Ф. Фишер приводит данные о том, что еще в конце 1912 г., то есть в наиболее острый период Балканских войн, в Берлине уже подумывали об организации целенаправленной антирусской пропаганды в печати. На заседании германского военного совета 8 декабря 1912 г. Вильгельм II и начальник генштаба сухопутных войск Г. Мольтке высказались в пользу превентивной войны против Франции и России. Кайзер дал указание об организации кампании в прессе по популяризации идеи войны с восточным соседом. Фишер напрямую связывал эти решения с антирусской агитацией немецких газет в первые месяцы 1914 г. [34, 233-235].

Такой же точки зрения придерживался и К. Вернеке, убежденный, что правительственные круги Германии сыграли решающую роль в организации травли России в немецких газетах. Он указывал, что алармистские статьи с призывом к превентивной войне против России появились почти одновременно в нескольких влиятельных немецких газетах, что не может быть случайным [39, 279].

Видный немецкий историк В. Моммзен считал, что, даже если манипуляция общественным мнением со стороны правительства и имела место, то все же алармистские настроения в германском обществе возникли не на пустом месте, русская угроза воспринималась в то время как вполне реальная [36, 210-213].

А.С. Аветян останавливается на дипломатической стороне «газетной войны», рассматривая переговоры между Министерством иностранных дел России и германским внешнеполитическим ведомством об урегулировании конфликта. По его мнению, атака германской прессы против России была отчасти спровоцирована поведением самих русских газет, которые после отправки в Стамбул миссии О. Лимана фон Сандерса и утверждения немецкого военного присутствия в районе черноморских проливов зимой 1913-1914 гг. подвергли политику Берлина яростной критике [31, 239-245].

Е.Г. Кострикова анализирует «газетную войну» марта 1914 г. в контексте взаимоотношений русской прессы и царской дипломатии, отмечая, что либеральные газеты использовали данный инцидент для традиционной критики правящих сфер собственной страны [33, 150-160].

Финский историк Р. Роппонен в своей книге «Русская опасность», посвященной проблеме отношения немецкого и австрийского общественного мнения к русской внешней политике в начале XX в., рассматривает то, как «газетная война» отразилась на имидже России в Германии и империи Габсбургов [37, 164-180]. Однако Роппонен опирается на результаты исследований А. Юкса и не вносит в изучение данной темы ничего нового.

Что же касается влияния «газетной войны» на изменение образа Германии в русской прессе в первой половине 1914 г., то этот аспект не стал предметом специального изучения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Немецкий историк К. Шмидт в своей работе «Русская пресса и Германская империя. 1905-1914», до

сих пор остающейся единственным исследованием образа Германии в русской прессе начала XX века, к сожалению, обошел вниманием тему русско-германской «газетной войны» [38].

В данной статье анализируется восприятие ведущими органами русской прессы германской политики в период «газетной войны» и рассматривается то, как это событие отразилось на образе Германии в сознании русского общества накануне мирового вооруженного конфликта 1914-1918 гг.

Старт «газетной войне» был дан официозом немецкого внешнеполитического ведомства газетой «Kölnische Zeitung», которая 2 марта (17 февраля по ст. ст.) опубликовала анонимную статью «Россия и Германия», предупреждавшую немецкое общество о нависшей над ним опасности¹. Россия, отмечалось в этой статье, планирует совместно с французами расправиться с Германией не позднее осени 1917 г. К этому времени «Большая программа» перевооружения русской армии, разработанная под руководством военного министра В.А. Сухомлинова, будет выполнена, и русско-французский тандем получит существенное преимущество над Тройственным союзом.

Содержание статьи не оставляло сомнений, что Германии ради собственного выживания необходимо решиться на предупредительную войну против своих противников, еще не готовых полностью к военному столкновению. Эту тему сразу же, как по команде, подхватили многие другие немецкие, а за ними и австрийские издания («Germania», «Post», «Leipziger Tageblatt», «Tägliche Rundschau», «Berliner Tageblatt» и пр.).

Следует отметить неожиданность предпринятой немецкой прессой кампании. Казалось, что международная ситуация, остававшаяся взрывоопасной на протяжении всего балканского кризиса октября 1912 г. – августа 1913 г., а затем подвергшаяся новому испытанию во время споров вокруг миссии Сандерса в ноябре 1913 г. - январе 1914 г., в значительной степени нормализовалась. Конфликт из-за германской военной миссии в Турции был признан на официальном уровне исчерпанным. Удалось согласовать в столицах великих держав, а 8 февраля (26 января по ст. ст.) 1914 г. заключить соглашение о реформах в Турецкой Армении, которое долгое время торпедировалось немцами. Успешно продвига-

¹ Позже было установлено, что автором этой нашумевшей статьи был Р. Ульрих – постоянный корреспондент «Кёльнской газеты» в столице России.

лись переговоры между Берлином и Лондоном о строительстве Багдадской железной дороги; одновременно шли переговоры между Берлином и Парижем о фактическом разделе Малой Азии на сферы влияния, завершившиеся 15 февраля (2 февраля по ст. ст.) 1914 г. подписанием компромиссного соглашения. Главы внешнеполитических ведомств России и Германии С.Д. Сазонов и Г. Ягов убеждали общественность своих стран, что между Берлином и Петербургом существуют хорошие, «добрососедские» отношения, которые не смогла омрачить даже миссия Сандерса. Тем более внезапным было появление статьи в «Kölnische Zeitung», констатирующей возможность в близком будущем большой европейской войны.

Статья от 2 марта озадачила российских дипломатов. 5 марта (20 февраля по ст. ст.) 1914 г. состоялась встреча министра иностранных дел России С.Д. Сазонова и немецкого посла в Петербурге Ф. Пурталеса. Пурталес попытался заверить министра в том, что германское внешнеполитическое ведомство не только не имеет никакого отношения к публикации в «Kölnische Zeitung», но и не одобряет ее [29].

Российский посол в Берлине С.Н. Свербеев в беседе с главой германской дипломатии Г. Яговым выразил беспокойство тем обстоятельством, что столь резкая по тону статья появилась в официозе немецкого статс-секретариата по иностранным делам и просил Ягова воздействовать на печать для того, чтобы антироссийское выступление «Kölnische Zeitung» не повлекло за собой перебранку русских и германских газет, которая могла ухудшить и без того непростые русско-германские отношения.

Ответом со стороны русской прессы, как и предполагал посол С.Н. Свербеев, стал рост антигерманских публикаций в газетах и журналах разной политической ориентации: образ Германии стал обретать в них все более устрашающие черты. Дуэль с немецкой и австрийской печатью занимала большую часть газетных полос в русских периодических изданиях на протяжении всего марта 1914 г.

Русскую прессу больше всего интересовал вопрос: каковы причины начавшейся пропагандистской атаки на Россию, что скрывается за публикацией алармистских статей в немецких органах самого широкого политического спектра (от пангерманистов и клерикалов до либералов). Выдвигались три основные версии: 1) желание

оказать давление на Россию перед началом переговоров о заключении нового торгового договора; 2) специальное раздувание образа внешнего врага для более успешного проведения через рейхстаг очередного военного закона в 1914 г.; 3) эти статьи вызваны опасениями, которые внушали в Берлине и Вене мероприятия по усилению русской армии и флота, тем более что могли просочиться сведения о скором внесении в Думу «Большой программы» реформирования русской армии.

Либеральная газета «Русское слово» с самого начала «газетной войны» не сомневалась, что главной причиной, заставившей германскую прессу перейти к угрозам и давлению на Россию, является вопрос о торговом договоре. Рассуждения о превентивной войне на страницах немецких газет – это предупреждение для России, чтобы она и не думала об изменении условий торговой конвенции 1904 г., оказавшейся очень выгодной для Германии.

Сотрудник «Русского слова» известный публицист В.И. Немирович-Данченко писал под впечатлением от антироссийской кампании в германской прессе: «Свившийся в центре Европы в громадный кулак, раскинувший по всему миру щупальца, высасывающие живые соки народов, промышленно-торговый спрут Германия считает посягательством на свои священные права каждую заботу иных наций об их коммерческих и производительных выгодах... Берлин присвоил привилегию всемирного грабежа, но горе народу, усомнившемуся в ней» [25]. Германское правительство, по словам Немировича-Данченко, считает возможным отгородиться от российского сельскохозяйственного экспорта высокими таможенными барьерами, не признавая за Россией права на адекватную защиту собственной промышленности протекционистскими тарифами от немецкой конкуренции.

Столь жесткую и нелюбезную оценку политики Германии разделяло и «Новое время». Эта влиятельная и информированная газета указывала на стремление Берлина полностью продиктовать российской стороне условия нового торгового договора. Навязать России разорительную для нее торговую конвенцию можно, только имея за спиной «большую дубинку», мощный фактор силы в лице армии и флота: отсюда стремление германского правительства довести боевую готовность армии до высочайшей степени. Однако для оправдания огромных военных

расходов в глазах немецкого общества, отмечало «Новое время», неудобно выдвигать агрессивные цели, более эффективным является формирование образа внешнего врага, угрожающего, якобы, культуре и благополучию германского народа: «в этом отношении роль “козла отпущения” играла всегда Россия и ее “панславистские замыслы”» [9].

«Новое время» не исключало возможности перерастания «газетной войны» между двумя странами в войну настоящую. В статье «Угроза или действие?», напечатанной спустя десять дней после сенсационного выступления «Kölnische Zeitung», постоянный автор «Нового времени» А.А. Столыпин, брат погибшего в 1911 г. председателя Совета министров, называл одной из главных причин роста милитаристских настроений в Германии и распространения идеи превентивной войны колоссальное увеличение за последние годы военных налогов. Он напоминал, что на выполнение военного закона 1913 г. правительство Т. Бетман-Гольвега собрало с населения единовременный чрезвычайный военный взнос на огромную сумму в 1 млрд. марок. Нарастающие год от года, как снежный ком, военные затраты не могут увеличиваться такими темпами вечно, предупреждал А.А. Столыпин. Когда-нибудь наступит развязка: «Людская психология не мирится с неоправданностью подобных жертв: народу навязаны акции “предприятия военного ограбления России”, народ хочет получить дивиденды» [10].

А.А. Столыпин считал, что все благополучие Германии, ее экономический рост, все «счастье многомиллионной тевтонской расы» базируется исключительно на той контрибуции, которую Франция после седанского разгрома 1870 года вынуждена была выплатить Германской империи. После окончания выплаты репараций прошло уже сорок лет, и «народ-добычник», по словам Столыпина, намеревается нарастить свое истощившееся богатство тем же самым проверенным способом – путем военного разгрома соседней страны и обложения ее военной данью. «Вот почему нет никакой надобности искать сложных нравственных и психологических оснований для объяснения той силы, напор которой нам угрожает. Она проста и естественна до первобытной дикости...» [10]. Автор статьи предупреждал русское общество, что оно должно быть готовым ко всему: война с Германией и империей Габсбургов может начаться в любой момент даже без пред-

варительного объявления. Единственный выход, считал он, – быть готовыми к неизбежной борьбе, которую Россия не желала, но отклонить которую она не в силах.

«Новое время» приходило к выводу, что кампания германских газет имела и положительные последствия, раскрыв русскому обществу глаза на действительное отношение немцев к России. В России, с сожалением констатировала антинемецки настроенная газета, все еще много сторонников прогерманской ориентации, которые готовы идти на значительные жертвы ради поддержания «традиционной» русско-прусской дружбы: «Отрезвление этих германофилов путем выяснения истинных настроений нашей западной соседки явилось благоприятным результатом начатой “Kölnische Zeitung” кампании» [12].

О том же писали и «Московские ведомости»: эта правая монархическая газета также считала, что агитация германской печати против России «имела и свою хорошую сторону, познакомив нас с истинными чувствами германского общества» [8]. По мнению «Московских ведомостей», немцы вообще очень эгоистично понимали русско-германскую дружбу, требуя от Санкт-Петербурга постоянных односторонних уступок ради ее поддержания. После того как Россия спасла Прусское государство от уничтожения Наполеоном, а затем благожелательно отнеслась к объединению Германии под эгидой Гогенцоллернов, в Берлине привыкли смотреть на свою могучую восточную соседку, «как на державу, которая обязана всегда жертвовать как своими собственными интересами, так и интересами славян в пользу немцев» [8].

Все эти притязания, по мнению «Московских ведомостей», самым откровенным образом проявились в последней антирусской кампании немецкой прессы, категорично заявлявшей, что Россия не имеет права поддерживать балканских славян, так как это угрожает интересам Австрии, не смеет защищать собственное земледелие, так как это нанесет ущерб немецким аграриям и т. д. «Московские ведомости» надеялись, что прошло то время, когда русское правительство ради поддержания дружбы с родственной Романовым династией Гогенцоллернов поддавалось на эту игру. Россия «...во всяком случае, не имеет более желания жертвовать в пользу немцев интересами своего народа» [8].

Московская газета была убеждена, что атака на Россию была инспирирована в Берлине на са-

мом высоком уровне, а среди причин, побудивших немецкое правительство пойти на этот шаг, называла стремление канцлера Т. Бетман-Гольвега добиться от рейхстага новых кредитов на усиление армии и флота. Запугивая немцев страшной «русской угрозой», Вильгельмштрассе¹ таким образом мобилизует германское общественное мнение на поддержку новых военных программ.

В отличие от «Московских ведомостей», газета «Речь», являвшаяся рупором партии конституционных демократов, в первые дни «газетной войны» сомневалась в причастности официальных берлинских сфер к публикации в «Kölnische Zeitung». Спустя два дня после появления статьи «Россия и Германия» «Речь» писала, что Берлину невыгодно раздувать в данный момент антирусскую истерию, поскольку «давно уже официальные русско-германские отношения не были так хороши, как сейчас» [13].

«Речь» связывала волну алармистских публикаций в прессе Германии с общей нервозностью, которая царил в Европе из-за гонки вооружений, когда великие державы боялись в чем-либо отстать от других, постоянно увеличивая численность армий и их техническую оснащенность. В Германии, сообщали кадеты, нарастало недовольство усилением русской армии и ростом финансовых затрат на нее. Когда правительство И.Л. Горемыкина внесло в Думу подготовленный им проект реформирования русских вооруженных сил («Большую программу»), в Берлине стал известен весь масштаб планируемых мероприятий, и именно это, по мнению кадетов, вызвало такую нервную реакцию в некоторых органах немецкой прессы [14].

Однако уже спустя несколько дней, когда к антирусскому хору присоединились и влиятельные либеральные газеты (в том числе «Berliner Tageblatt»), «Речь» изменила свою точку зрения, заявив, что за выступлениями германских газет стоит правительство Т. Бетман-Гольвега, а начавшаяся кампания – это психологическая подготовка населения Германии к новым агрессивным акциям берлинской дипломатии: «Толки о “превентивной” войне есть сущий вздор, совершенно непонятный и немотивированный. Но, если под предлогом “превентивной войны” хотят заставить врасплох соперника и вытеснить его из позиций,

¹ Улица в Берлине, где находились резиденции важных органов государственной власти Пруссии и Германии. До 1945 г. слово «Вильгельмштрассе» было синонимом германского правительства.

законно ему принадлежащих, это другое дело» [15].

Кадеты считали, что германское правительство готовится предъявить России требования, касающиеся Ближнего Востока, «и, судя по тону прессы, эти требования чуть ли не будут носить характер ультиматума». Скорее всего, предполагала «Речь», после успешно проведенной операции по захвату Босфора (отправка в Стамбул миссии Сандерса) немцы готовятся к окончательной оккупации Малой Азии и превращению этой территории в свое колониальное владение. На пути у Германии стоит Россия, имеющая свои интересы в зоне черноморских проливов и в армянских вилайетах Турции. Поэтому немецкая печать заранее «принимается готовить идеологическую обстановку для предстоящего захвата» [15].

Не только «Речь», но и «Утро России» поначалу не верило в причастность берлинского правительства к антирусской кампании германских газет. Объясняя причины появления статьи «Россия и Германия», эта газета, финансируемая партией прогрессистов во главе с П.П. Рябушинским, то есть крупным капиталом, все свела к биржевым спекуляциям. Спустя пять дней после появления нашумевшей петербургской корреспонденции «Утро России» отмечало, что в отличие от Парижа и Берлина, где биржи отреагировали на демарш «Kölnische Zeitung» паникой, в России эта «аляповатая провокация» немецкой прессы не произвела ни малейшего впечатления на деловые круги – настолько кажется абсурдным ее содержание. «У нас, в России, никто и не помышляет о войне с Германией. Делить нам с немцами нечего. Франко-русский союз? Да ведь если немцы сами не помышляют идти на французов, союз этот для Германии – не угроза войны, а верный залог мира» [26]. В первые дни «газетной войны» прогрессисты воспринимали всю кампанию немецкой прессы несерьезно и даже с иронией. «Русское пугало», по их мнению, оказалось настолько грубо состряпанным, что вызвало в России только искренный смех [27].

Но, разобравшись в ситуации, и видя, что антирусская кампания только набирает обороты, прогрессисты пришли к выводу, что приступ русофобии немецкой прессы имеет под собой более реальные основания, чем простые биржевые спекуляции. «Утро России» присоединилось к тем русским газетам, которые связывали эту кампанию с желанием Берлина оказать давление на Россию накануне переговоров о заключении

нового торгового договора. Газета П.П. Рябушинского признавала, что преследование Германией своих личных целей в этом вопросе вполне понятно, однако, у нее вызывала возмущение некорректная форма, в которой немцы заявляли о своих претензиях.

Германия, писало «Утро России», стремится к возобновлению выгодного для себя торгового договора, заключенного в 1904 г., на новый срок, без каких-либо существенных изменений. Проблема для Германии, однако, состоит в том, что Россия 1914 года – это не Россия 1904 года. Во-первых, Россия не связана войной, а потому может говорить с Германией гораздо более уверенным тоном. Во-вторых, аграрии и промышленники России серьезно взяли за обсуждение условий предстоящего соглашения и намерены твердо отстаивать свои интересы. Таким образом, Берлин уже не может более рассчитывать на былую русскую уступчивость. «От немцев не скрыто, что заключение договора 1917 г. становится общим делом русского правительства и русского общества в лице непосредственно заинтересованных в торговых сношениях с Германией общественных элементов... Одним словом – мы работаем! Достаточный для немцев повод волноваться и точить на нас зубы» [28].

Схожую точку зрения высказывала главная газета Союза 17 октября «Голос Москвы». По ее мнению, причиной неожиданной атаки немецких газет против России было стремление берлинских правящих сфер запугать русское правительство перспективой войны в случае непринятия им германских условий будущего торгового договора: «это международный шантаж, рассчитанный на слабость русской дипломатии» [2].

Вместе с тем «Голос Москвы» усматривал и положительные последствия развязанной германской прессой русофобской кампании – она способствовала консолидации Антанты, которая к началу 1914 г., по мнению октябристов, находилась в глубоком кризисе. Поднятый в Берлине воинственный шум привел к тому, что страны Тройственного соглашения, еще раз убедившись в агрессивных устремлениях империи Гогенцоллернов и чувствуя опасность больших европейских осложнений, вынуждены были теснее сплотиться ради защиты своих интересов [4].

Но и для русского общества, предполагала октябристская газета, кампания, начатая «Kölnische Zeitung», может сыграть роль консолидирующего фактора. Германия, так откровенно выражающая

свою враждебность по отношению к России и так агрессивно угрожающая ей призраком военного столкновения, становится тем внешним врагом, который необходим русскому народу для ощущения единства и сплоченности. По словам «Голоса Москвы», организаторами этой кампании «мало была учтена наша своеобразная особенность, заключающаяся в том, что в нас очень сильны центробежные силы. Мы никак не умеем соединяться, организовываться, действовать сомкнутым строем. Для этого у нас не хватало каких-то внутренних побуждений, и только напряжение внешней силы пробуждает в нас, к сожалению, часто более инстинктивное, чем сознательное, стремление к единению, стремление найти общий язык...» [5].

Воинственные выступления германской прессы, действительно, способствовали консолидации русского общества на антигерманских позициях. Показательно в данной связи изменение точки зрения некоторых крайне правых изданий, традиционно выступавших за сохранение и упорочение русско-германского сотрудничества. Их симпатии к Германии пошатнулись; во всяком случае, в дни «газетной войны» они не рисковали открыто демонстрировать свои германофильские настроения.

Так, например, большое разочарование испытал в связи с публикацией в «Kölnische Zeitung» поборник прогерманской ориентации российской политики князь В.П. Мещерский, издатель консервативного журнала «Гражданин». Статью «Россия и Германия» он оценил как враждебную и провокационную по отношению к России. Трудно поверить, удивлялся он, что она написана по адресу великой державы, настолько «наглым и дерзким» является ее содержание.

Русско-германская «газетная война» дала князю Мещерскому повод еще раз высказать свою точку зрения на характер и перспективы развития отношений между двумя странами и их народами. Он был убежден, что русофобская политика губительна для Германской империи. У немцев, писал он, не так много друзей в Европе, чтобы они могли позволить себе порвать с традициями русско-немецкого сотрудничества и взаимопонимания и заменить их враждой и подозрительностью. «У Германии нет в Европе, даже между союзниками ее, искреннего благожелателя, но зато есть тайные враги, которые давно бы вовлекли Германию в военные приключения, если бы не признали историческим фактом давнишние миролюбивые русско-германские отношения» [6].

А другое крайне правое издание, «Русское знамя», отражавшее взгляды черносотенного Союза русского народа во главе с А.И. Дубровиным, в течение всей газетной кампании не переставало повторять, что Россия должна сохранять полное спокойствие. С Германией, по мнению черносотенцев, необходимо вести себя так же, как при Александре III – внушительно и с достоинством, и на всю воинственную шумиху за Неманом следует отвечать предупреждением о неизбежном приведении в полную боеготовность русских войск и переброске их к немецкой и австрийской границе [20].

Главное, считала газета Дубровинского союза, чтобы российская дипломатия не стала бессмысленно метаться, как она это делала во время Балканских войн, предлагая Германии то одну уступку, то другую ради прекращения воинственной агитации в немецкой прессе. Ведомство С.Д. Сазонова должно понимать, что «вся эта шумиха не стоит и выеденного яйца», что германское правительство инспирирует выступления органов печати как средство шантажа России. Если российская дипломатия и на этот раз будет «изображать охваченного паническим ужасом зайца», то она попадет в самое глупое и смешное положение. «Это обыденный прием, к которому бы нам следовало уже давно привыкнуть: когда Германия задумывает какой-либо захват и сугубое нарушение наших интересов, она предварительно начинает бряцать оружием и потрясать перьями» [22].

«Русское знамя» было уверено, что чем дольше продолжается мир, тем это выгоднее России. При ее огромных ресурсах она может выдерживать гонку вооружений в течение долгого времени. Для Германии, а в особенности для Австро-Венгрии, бремя военных расходов становится уже нестерпимым: «Пусть себе обе эти державы и разоряются, увеличивая свою армию и свои вооружения. Мы же от этого можем только выиграть». Если же империи Габсбургов и Гогенцоллернов все же решатся на войну с Россией, такая война будет губительна для этих держав, и приведет, судя по всему, к полному развалу «лоскутной империи» Габсбургов [21].

В отличие от «Русского знамени» газета «Земщина», являвшаяся органом Союза русского народа во главе с Н.Е. Марковым, практически проигнорировала выпады немецкой печати против России. Она явно не желала акцентировать внимание своих читателей на росте антирусских

настроений в соседней стране. Показательно, что первое упоминание об инциденте появилось в этой прогерманской газете только 11 марта (26 февраля по ст. ст.). «Земщина» была уверена, что Германия желает избежать военного столкновения с Россией. Причину поднятого в немецких газетах шума она видела в специфике прессы, для которой главное – создать и раздуть сенсацию [7].

На фоне большинства русских периодических изданий, считавших, что выпады немецкой прессы против политики России необоснованны и доказывают лишь агрессивные замыслы самой Германии, выделялась точка зрения «Русских ведомостей». Эта авторитетная газета, являвшаяся трибуной для выражения взглядов либерально настроенной русской интеллигенции, не стремилась возложить всю ответственность за начавшуюся газетную полемику исключительно на Германию [19].

«Русские ведомости», склонные к гораздо более критическому восприятию поведения России на международной арене, чем многие другие русские периодические издания того времени, отчасти разделяли беспокойство немецкого общества в отношении непредсказуемости курса русской внешней и внутренней политики. Они считали обоснованной озабоченность германской прессы, писавшей, что добрососедские отношения невозможны с соседом, который сам не знает, что он предпримет завтра. «При общей шаткости и неопределенности курса нашей политики, при постоянно вторгающихся в сферу деятельности русской дипломатии безответственных влияниях трудно ручаться за то, что существование тех или иных агрессивных планов является всецело выдумкой досужих германских и австрийских публицистов» [18].

Действия российской дипломатии во время «газетной войны» были направлены на уменьшение негативных последствий этого противостояния российской и австро-германской прессы для развития отношений России со странами Тройственного союза. В первые дни после появления статьи в «Кёльнской газете» Министерство иностранных дел воздерживалось от официальной оценки инцидента и комментариев по поводу происшедшего. С.Д. Сазонов решил оказать воздействие на германские правящие сферы, побудив их к прекращению антирусской кампании в немецкой прессе, через анонимное выступление в печати.

8 марта (23 февраля по ст. ст.) газета «Русское слово», известная своими связями с внешнеполитическим ведомством России, опубликовала в рубрике «За границей» заметку, которая носила явно инспирированный Министерством иностранных дел характер. В ней со ссылкой на «авторитетные дипломатические сферы» говорилось о желательности опубликования правительством Т. Бетман-Гольвега сообщения с категорическим осуждением антирусской кампании немецкой прессы. Такое правительственное сообщение, заявляло «Русское слово», сразу же прекратило бы конфликт и «произвело бы на русские официальные круги очень благоприятное впечатление». Если же такое сообщение не появится, то это, по словам «Русского слова», будет означать только одно – причастность Вильгельмштрассе к публикации русофобской статьи в «Кёльнской газете» [23].

Призывы «Русского слова» не были услышаны на берегах Шпрее – со стороны канцлера или других высокопоставленных чиновников не последовало никаких опровержений слухов о причастности берлинского правительства к антирусскому выступлению германской прессы.

Тогда С.Д. Сазонов решил выступить с изложением официальной позиции российского Министерства иностранных дел. 12 марта (27 февраля по ст. ст.) он дал интервью венгерской газете «Az Est». В нем глава российской дипломатии подверг критике как русскую, так и немецкую печать за нагнетание напряженности между двумя странами в условиях, когда между ними не существовало неразрешимых противоречий. Сазонов отметил наличие взаимопонимания с германским правительством по большинству важнейших вопросов и призывал не паниковать в связи с начавшейся «газетной войной». Правительства России, Германии и Австро-Венгрии, заявил он, думают только о сохранении мира, а основой поддержания «добрососедских отношений» между тремя империями является отказ от территориальных приобретений на Балканах и сохранение status quo, сложившегося здесь после подписания Бухарестского мирного договора. Русская пресса, по его словам, никак не может отражать намерения и устремления русского правительства хотя бы потому, что она постоянно нападает на ведомство иностранных дел и лично на него, Сазонова, самым решительным образом [см.: 24].

Однако в тот же день, когда было опубликовано интервью С.Д. Сазонова венгерской газете,

в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» появилась статья, чрезвычайно контрастировавшая с успокоительными заявлениями министра иностранных дел. Публикация эта, озаглавленная «Россия хочет мира, но готова к войне», не носила редакционного характера, но не имела подписи, что дало основание заподозрить военное министерство и лично В.А. Сухомлинова в инспирации этой громкой статьи.

В мемуарах, написанных в эмиграции в начале 1920-х гг., бывший военный министр не отрицал своей причастности к появлению данного материала. По словам Сухомлинова, статья «Россия готова», подчеркивавшая успехи, которых достигла русская армия после Портсмутского мира, была написана сотрудником «Русского слова» Ржевским по его поручению. Публикацию этой статьи в «Биржевых ведомостях» санкционировал, якобы, Николай II, считавший, что нужно дать достойный ответ на германские выпады в адрес России и отрезвить тех политиков в Германии, которые считали российскую армию *quantite negligible*¹ [30, 298-299].

В этой статье отмечалось, в частности, что «Россия... не думает о войне, но готова ко всяким случайностям», для нее прошли времена, когда угрозы извне заставляли ее отступать (намек на события Боснийского кризиса 1908-1909 гг.). Статья в «Биржевых ведомостях» перечисляла основные мероприятия, осуществленные в последние годы для усиления боеспособности армии. При этом как вызов звучали слова об отказе русского военного министерства от оборонительной тактики в случае войны на западной границе: «...идея обороны отложена и русская армия будет активной». Она заканчивалась словами: «Конечно, если какая-нибудь держава питает агрессивные замыслы против России, то наша новая боевая мощь ей неприятна, ибо никто уже не может теперь питать вожделиний о какой бы то ни было части русской земли. “Si vis pacem – para bellum”, “Если хочешь мира – готовься к войне”. Россия, в полном единении со своим Верховным Вождем, хочет мира, но она готова!» [1].

Отношение русской прессы к инспирированной военным министерством статье «Биржевых ведомостей» было неоднозначным.

«Речь» обращала внимание на резкое противоречие между официальным оптимизмом русской дипломатии и милитаристским тоном

появившейся 12 марта статьи. Причиной такого расхождения между позицией военных сфер («Речь» не сомневалась, что именно они стоят за статьей) и Министерства иностранных дел газета видела в том удивительном факте, что в Европе гонка вооружений развивается по своим собственным законам, не подвластным контролю со стороны дипломатии тех или иных стран: «Здесь мы имеем, следовательно, поразительный пример того, как, при сравнительно безоблачном дипломатическом небе, вооружения порождаются вооружениями же» [16].

Орган октябристов «Голос Москвы» положительно воспринял ответ на антирусскую кампанию в Германии, помещенный в «Биржевых ведомостях»: «Насколько г. Сазонов нерешителен, насколько он трепещет при одной мысли об “ужасных бедствиях войны”, настолько статья... решительна и определена» [3]. Правда, газету не устраивала анонимность публикации: если бы военное министерство напрямую заявило о том, что разделяет высказанные в ней взгляды, то это придало бы статье больший вес.

«Новое время», выступавшее за жесткий курс в отношении австро-германского блока, приветствовало появление данной статьи, которая «сразу подняла престиж России на ту высоту, на которой он находился до русско-японской войны. Она равносильна большой победе, одержанной на поле сражения» [11].

Решительный тон статьи импонировал и «Русскому слову». В.И. Немирович-Данченко на страницах этой газеты писал, что Россия, постоянно отступая в последние годы перед австро-германским блоком и демонстрируя миролюбие, получила в ответ лишь яростные нападки на свою политику в германской и австрийской прессе. В этих условиях, считал он, России было необходимо изменить тон общения с Центральными державами и проявлять отныне больше решительности и уверенности в своих силах.

В.И. Немирович-Данченко сообщал, что появившаяся в «Биржевых ведомостях» публикация вызвала в Германии возмущение и очередной приступ русофобии. Там статья о боевой готовности русской армии воспринимается не как обоснованный ответ на оскорбления и угрозы в адрес России, а «как беспримерная дерзость раба, позволяющего себе возражать своему высокомерному господину». Когда Россия только повышает свою обороноспособность до уровня своих западных соседей и стремится не очень отстать

¹ незначительной величиной (фран.)

от них, в Вене и Берлине начинаются крики по поводу завоевательных замыслов России. «Мы обратились в каких-то вассалов, которые без благосклонного согласия феодала не смеют прибавить ни одного ружья в свой военный инвентарь, – возмущался Немирович-Данченко... Или что можно германскому Зевсу, того нельзя российскому мирному быку, которого уже берлинские мясники определили на свою бойню?» [25].

Появившаяся в «Биржевых ведомостях» прокламация о полной готовности России к войне могла дать старт новому витку «газетной войны», однако, обе стороны уже решили прекратить зашедшую слишком далеко полемику в печати и предприняли соответствующие меры.

13 марта (28 февраля по ст. ст.) С.Н. Свербеев снова встретился с германским статс-секретарем иностранных дел. Он поспешил заверить Г. Ягова, что русское правительство не может быть причастно к появлению этой публикации. Но в Берлине и не собирались использовать ее для дальнейшего нагнетания антирусской истерии. В тот момент, когда «газетная война» достигла своего пика, на Вильгельмштрассе решили дать отбой русофобской кампании.

Еще 10 марта (25 февраля по ст. ст.) «Lokalanzeiger» поместила инспирированную Г. Яговым статью, в которой отмечалась успешная совместная работа России и Германии в вопросе об армянских реформах. Спустя три дня официальная газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», которую специалист по истории германской прессы Г. Гейдорн называет «открытым рупором правительства», использовавшимся еще Бисмарком [32, 109], напечатала статью с призывом прекратить полемику между русской и немецкой прессой. Она писала: «Оба правительства считают недопустимым подвергать драгоценные интересы обеих империй опасности вследствие националистического возбуждения. Никаких особых поводов к нарушению дружественных отношений не существует» [цит. по: 35, 165].

В тот же день в официальной «России» появилась примирительная передовая статья. Из того факта, что ряд немецких и русских газет вступили в перепалку друг с другом, говорилось в ней, «ни в коем случае не следует, что русское и германское правительства намерены “поставить крест” на взаимовыгодном сотрудничестве обеих стран [17].

Хотя предпринятые меры смогли несколько успокоить страсти, «газетная война» марта 1914 г.

привела к существенному ухудшению общей атмосферы русско-германских отношений. Благодаря выступлениям «Kölnische Zeitung», «Berliner Tageblatt» и других германских газет, призывавших к превентивному военному удару по восточному соседу, вопрос о войне между Россией и Германией перестал быть чем-то умозрительным, он начал активно обсуждаться по обе стороны русско-германской границы как возможный в ближайшем будущем сценарий развития событий.

«Газетная война» содействовала дальнейшему нарастанию в России антигерманских настроений. На страницах русских периодических изданий в это время преобладало восприятие Германии как страны-«шантажиста», которая, угрожая превентивной войной, стремится выбить у России максимальные уступки в торгово-экономической и политической сферах. Газеты с возмущением писали о «высокомерии» Берлина, который обращается с Россией как со своим «вассалом».

Накал антигерманской риторики свидетельствует, что «газетная война» стала важным этапом психологической подготовки русского общества к событиям, развернувшимся летом того же года. Она способствовала консолидации различных общественно-политических сил России перед лицом внешнего врага. Не будет преувеличением сказать, что то единство, которое русское общество продемонстрировало на начальном этапе Первой мировой войны, во многом было подготовлено в мартовские дни 1914 г., когда русская пресса была как никогда едина в осуждении германской внешней политики, ее целей и методов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Биржевые ведомости. 1914. 27 февр.
2. Голос Москвы. 1914. 26 февр.
3. Голос Москвы. 1914. 1 марта.
4. Голос Москвы. 1914. 2 марта.
5. Голос Москвы. 1914. 4 марта.
6. Гражданин. 1914. № 8, 23 февр.
7. Земщина. 1914. 26 февр.
8. Московские ведомости. 1914. 16 марта.
9. Новое время. 1914. 21 февр.
10. Новое время. 1914. 28 февр.
11. Новое время. 1914. 4 марта.
12. Новое время. 1914. 4 апр.
13. Речь. 1914. 20 февр.
14. Речь. 1914. 23 февр.
15. Речь. 1914. 26 февр.
16. Речь. 1914. 28 февр.

17. Россия. 1914. 28 февр.
18. Русские ведомости. 1914. 21 февр.
19. Русские ведомости. 1914. 26 февр.
20. Русское знамя. 1914. 23 февр.
21. Русское знамя. 1914. 26 февр.
22. Русское знамя. 1914. 1 марта.
23. Русское слово. 1914. 23 февр.
24. Русское слово. 1914. 28 февр.
25. Русское слово. 1914. 5 марта.
26. Утро России. 1914. 22 февр.
27. Утро России. 1914. 23 февр.
28. Утро России. 1914. 28 февр.
29. Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871-1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 39. Berlin, 1927. N 15843.
30. Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин: Рус. универсальное изд-во, 1924. 438 с.
31. Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. 1910-1914. М.: Наука, 1985. 287 с.
32. Гейдорн Г. Монополии. Пресса. Война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. Пер. с нем. Г.Я. Рудого. Под ред. М.Н. Машкина. М.: Прогресс, 1964. 573 с.
33. Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. 1907-1914. М.: Изд. центр ИРИ, 1997. 175 с.
34. Fischer F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. 2. Aufl. Düsseldorf: Droste, 1969. 806 S.
35. Jux A. Der Kriegsschrecken des Frühjahrs 1914 in der europäischen Presse. Berlin: Hendriock, 1929. 248 S.
36. Mommsen W. Der Topos vom unvermeidlichen Krieg. Außenpolitik und öffentliche Meinung im Deutschen Reich im letzten Jahrzehnt vor 1914 // Bereit zum Krieg: Kriegsmentalität im wilhelminischen Deutschland 1890-1914. Beiträge zur historischen Friedensforschung / Hrsg. von J. Dülffer und K. Holl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986. 230 S.
37. Ropponen R. Die russische Gefahr. Das Verhalten der öffentlichen Meinung Deutschlands und Österreich-Ungarns gegenüber der Außenpolitik Russlands in der Zeit zwischen dem Frieden von Portsmouth und dem Ausbruch des ersten Weltkriegs. Helsinki, 1976. 215 S.
38. Schmidt C. Russische Presse und Deutsches Reich. 1905-1914. Köln, Wien: Böhlau Verlag, 1988. 192 S.
39. Wernecke K. Der Wille zur Weltgeltung. Außenpolitik und Öffentlichkeit im Kaiserreich am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Düsseldorf: Droste, 1970. 339 S.

Литература: